

К этому времени было уже довольно поздно, поэтому Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу решили сначала проводить Аньхэ домой.

По дороге им встретилось несколько деревенских жителей, шедших навстречу, среди них была и одна тётушка, которая прежде работала у них дома. Увидев, что супруги идут вместе с Аньхэ, а в бамбуковой корзине лежит немало травы и листьев, после приветствий она не удержалась и с любопытством спросила, чем они занимались.

Нин Гуйчжу поднял руку, мягко положил её Аньхэ на плечо и с улыбкой сказал:

— Этот ребёнок мне приглянулся, хочу некоторое время подержать его при себе.

Услышав это, несколько человек посмотрели на Аньхэ уже с невольной завистью. В глазах деревенских жителей Нин Гуйчжу теперь занимал едва ли не то же место, что и бог богатства. Раз Аньхэ сможет быть рядом с ним, то даже если научится лишь самой малости - одной крупице из множества - в будущем жить ему наверняка будет уже не так тяжело.

Раз уж семья Сюн приглашала эту тётушку к себе работать, значит, с нравом у неё всё было в порядке. Услышав слова Нин Гуйчжу, она с улыбкой принялась поддразнивать мальчика:

— Раз уж будешь ходить за Чжу-гером, слушайся его хорошенько. А когда чему-нибудь научишься, тётушка будет надеяться, что сможешь подкинуть ей работёнки, чтобы заработать немного на мелкие расходы.

Аньхэ смущённо почесал голову, не зная, что ответить. Скованность и растерянность ребёнка в глазах взрослых зачастую были сами по себе забавой. Все один за другим начали что-то ему говорить, и, увидев, что Аньхэ чувствует себя всё более неловко, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сослались на поздний час и сказали, что им пора возвращаться.

Глядя вслед двум взрослым и ребёнку, оставшиеся на месте деревенские жители тут же принялись обсуждать увиденное. Бабушка с внуком были самыми бедными во всей деревне, а теперь Аньхэ оказался рядом с самым «богом богатства» - одной этой темы деревне хватило бы для разговоров на десять дней, а то и на полмесяца.

Нин Гуйчжу примерно представлял, что последует за этим. Проводив Аньхэ до дома, он сказал ему:

— Если какие-нибудь нехорошие люди придут искать неприятностей тебе и бабушке, припугни их Цзиньчжоу, понял?

В деревне трудно было что-либо утаить, и Нин Гуйчжу опасался, что несколько семей, которые любили затевать склоки, услышав новости, придут притеснять их.

С самого детства Аньхэ видел куда больше злобы, чем доброты, поэтому, услышав это, наоборот принялся успокаивать Нин Гуйчжу:

— Дядюшка, не беспокойся, мы с бабушкой сумеем себя защитить.

Нин Гуйчжу улыбнулся, поднял руку и пригладил его немного растрёпанные длинные волосы, после чего спросил:

— А что делать со всем этим, что вы принесли, помнишь?

— Помню! Нужно очистить от земли, а потом высушить на солнце!

— Да, — подтвердил Нин Гуйчжу.

Он выпрямился и заглянул внутрь ветхого глинобитного дома, после чего с некоторым удивлением спросил:

— А бабушки нет дома?

Они уже довольно долго стояли здесь и разговаривали, но она так и не вышла посмотреть, кто пришёл.

Аньхэ тоже заглянул в дом.

— Наверное, бабушка нашла какую-нибудь работу. Я потом пойду её поищу.

— Хорошо. Будь осторожен, а мы с дядей Сюном сначала вернёмся домой.

— До свидания, дядюшка! До свидания, батоу!

Мальчик прижимал к себе заплечную корзину и смотрел вслед Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу, пока те не отошли подальше. Лишь после этого он повернулся и вернулся домой, поставил бамбуковую корзину на убогой кухне и заглянул под крышку котла. Увидев, что внутри пусто, спрыгнул со скамейки, достал собранную дома дикую зелень, тщательно вымыл её, положил в котёл, залил водой и поставил вариться. Затем плотно закрыл дверь кухни и отправился искать бабушку.

Пока мальчик благополучно нашёл старшую и привёл её домой поесть, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу, которым до дома оставалось ещё некоторое расстояние, столкнулись с другой неприятностью: кролики в заплечной корзине перегрызли травяные верёвки, которыми были связаны, и один из них изо всех сил выпрыгнул наружу.

Обоим пришлось носиться по земле и ловить кролика. Оставшиеся в корзине зверьки тоже начали беспокойно метаться. Нин Гуйчжу пока оставил поиски сбежавшего, сперва свил новые травяные верёвки и заново связал кроликов в корзине. Когда он выпрямился, Сюн Цзиньчжоу уже вернулся, держа в руках двух.

— Ещё один неизвестно куда убежал.

— Пусть бежит, — ответил Нин Гуйчжу. — Значит, судьба у него ещё не оборвалась.

Он достал оставшиеся травяные верёвки и связал двух пойманных крольчат. Бамбуковая корзина, которую он до этого нёс в руке, перекочевала к Сюн Цзиньчжоу, и теперь стоило кроликам хоть немного зашевелиться, как по головам тут же прилетал лёгкий шлепок.

Так они и добрались домой.

Сюн Цзиньчжоу спросил:

— Куда этих кроликов деть?

— Пока привяжем, — ответил Нин Гуйчжу. — Пусть Даван и Эрцай за ними присматривают. Я найду время и сделаю им клетку, а ещё придётся укрепить землю под ней, иначе пророят ход.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу взял бамбуковую корзину и отправился искать собак.

Нин Гуйчжу вымыл руки и принялся готовить сегодняшний ужин. Рис уже сварился. Дома ещё оставались прессованный тофу и обычный тофу, которые днём родные передали через детей, а также грибы, принесённые ранее бабушкой Аньхэ. Нин Гуйчжу немного подумал и решил приготовить суп из тофу, зелени и яйца, а также обжарить грибы и прессованный тофу с копчёной колбасой. Определившись с ужином, он сначала сходил в маленький огород позади дома, нарвал зелени и острого перца, а заодно прихватил пучок зелёного лука. Вернувшись на передний двор, всё вымыл, затем отправился на кухню и начал нарезать продукты.

Сюн Цзиньчжоу тем временем караулил кроликов и обучал собак. Убедившись, что обе теперь начинали лаять всякий раз, когда видели, как кролики грызут верёвки или пытаются рыть землю, он отряхнул с рук пыль, подхватил бамбуковую корзину и пришёл на кухню.

— Как ты их обучал? — спросил Нин Гуйчжу.

С того самого момента, как он поставил вариться рис, собачий лай и голос Сюн Цзиньчжоу, который занимался дрессировкой, не смолкали ни на минуту, так что теперь ему стало

любопытно.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Всё просто. Стоило кроликам начать плохо себя вести, как я велел собакам подбегать и громко лаять на них.

Нин Гуйчжу:

— ...А?

Кролики от такого точно не умрут со страху?!

Чем больше он об этом думал, тем сильнее переживал за их жизнь. Поэтому Нин Гуйчжу передал Сюн Цзиньчжоу нарезку овощей, сам вытер руки и направился к навесу для мула.

Кроликов устроили рядом с загонем для кур и уток. Обе длинные задние лапы им привязали травяными верёвками к бамбуковым планкам ограды. Даван и Эрцай лежали под карнизом и не сводили глаз с кроликов, а увидев приближающегося Нин Гуйчжу, радостно замахали хвостами.

А перед кроликами...

Сидели на корточках две кошки.

Саньбао и Сыси, похоже, понаблюдали за тем, как Сюн Цзиньчжоу дрессировал собак, и решили, что кролики - это игрушки. Те грызли верёвку - получали лапой, начинали рыть землю - получали лапой, даже если просто подпрыгивали, всё равно получали лапой. Мягкие подушечки раз за разом шлёпали кроликов по головам с отчётливым «пап-пап».

Котята веселились вовсю, мяукали и совсем не заметили появления человека.

Нин Гуйчжу посмотрел на кроликов, мысленно пожалел их ровно одну секунду и, убедившись, что котята не выпускают когти, развернулся и вернулся на кухню.

Увидев его, Сюн Цзиньчжоу небрежно спросил:

— Ну как?

Нин Гуйчжу ответил:

— Саньбао и Сыси развлекаются, шлёпая их лапами.

Сюн Цзиньчжоу:

— ?

Он и сам не знал, откуда взялись кошки, но раз Нин Гуйчжу уже сходил посмотреть и ничего серьёзного не обнаружил, Сюн Цзиньчжоу быстро выбросил это из головы и остался рядом помогать ему.

Рисовый отвар из глиняного горшка как раз был слит. Нин Гуйчжу налил себе чашку, подул, сделал небольшой глоток и поставил в сторону, после чего засучил рукава и начал жарить овощи. Сюн Цзиньчжоу рядом следил за рисом, время от времени перемешивая его, чтобы он прогревался равномерно. Сначала из кухни потянулся аромат риса, а следом - запах готовящихся блюд. Когда грибы с прессованным тофу и копчёной колбасой были готовы, Нин Гуйчжу переложил их на тарелку, взял палочки, подхватил ломтик гриба и отправил в рот. Нежный, гладкий и насыщенный вкус вобрал в себя ещё и лёгкий аромат копчёной колбасы с прессованным тофу.

— Ты тоже попробуй.

Сюн Цзиньчжоу прямо с палочек Нин Гуйчжу съел ломтик гриба и похвалил:

— Очень вкусно.

Нин Гуйчжу отложил палочки и принялся готовить суп.

— У грибов удивительно насыщенный вкус, как ни приготовь - всё равно получится вкусно. Ещё их можно высушить, перемолоть в грибной порошок и использовать как приправу, чтобы делать блюда ещё ароматнее и насыщеннее.

— После дождя пойдём в горы за грибами? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу невольно рассмеялся. Если уж говорить о дожде, с тех пор как он оказался здесь, лишь в самом начале прошло несколько сильных ливней, а потом временами по ночам выпадало лишь понемногу. Теперь пшеницу уже полностью убрали, и крестьяне снова начали ждать дождей: как только земля как следует пропитается влагой, можно будет приступить к посеву следующей культуры.

Обжарив зелень, Нин Гуйчжу добавил воды и немного проварил её. Затем размешал суп так, чтобы в нём закрутился водоворот, медленно влил заранее взбитые яйца, после чего положил кусочки тофу и оставил всё томиться. Нин Гуйчжу накрыл кастрюлю крышкой и перевёл взгляд на глиняный горшок.

Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Ещё немного не готово.

— Ничего, сейчас жарко, горячее есть всё равно не хочется.

Поскольку больше заняться было нечем, Нин Гуйчжу сам взял веер, встал рядом с Сюн Цзиньчжоу и принялся обмахивать их обоих. К тому времени, как рис окончательно приготовился, вечернее небо уже окрасилось зарёй. Нин Гуйчжу стоял у входа в кухню, любуясь видом снаружи, а затем вдруг обернулся к человеку внутри:

— Цзиньчжоу, давай вынесем стол и стулья и поедим во дворе?

— М-м? — Сюн Цзиньчжоу вышел и, увидев ожидающий взгляд Нин Гуйчжу, тут же ответил: — Я вынесу стол.

Нин Гуйчжу лёгким шагом вернулся на кухню.

— А я стулья.

Они поставили стол и стулья посреди двора, после чего перенесли туда еду, чашки и палочки. Увидев, что сидящий Нин Гуйчжу оказался заметно ниже стола, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Я принесу доску, которой мы подкладывали под стул.

На кухне высокий стол сочетался с низкими стульями. Когда Нин Гуйчжу только пришёл сюда, он никак не мог привыкнуть к такой высоте, и Сюн Цзиньчжоу специально нашёл деревянную доску, чтобы приподнять для него сиденье.

Вспомнив об этом, Нин Гуйчжу невольно улыбнулся и удержал уже собравшегося идти на кухню Сюн Цзиньчжоу.

— Не надо, ничего страшного. Я же всё равно до еды достаю.

— Точно ничего? — ещё раз переспросил Сюн Цзиньчжоу.

— Конечно.

Раз уж Нин Гуйчжу так сказал, Сюн Цзиньчжоу вернулся к столу. Наполнив чашки рисом и усевшись, он привычно подложил Нин Гуйчжу немного еды. Оба блюда прекрасно подходили к рису: жареное было более насыщенным и ярким по вкусу, а суп - лёгким и нежным. При этом

по вкусу они ничуть не уступали друг другу. Риса сегодня сварили немного меньше обычного, зато еды было вдоволь.

Наевшись примерно на шесть десятых, Нин Гуйчжу налил себе чашку супа и стал неторопливо пить. Скользнув взглядом по двору, он заметил собак, которые неизвестно когда успели прибежать.

Допив суп, Нин Гуйчжу поднялся и принялся готовить ужин для домашней живности. От сваренного в прошлый раз супа с потрохами оставалось ещё полчашки. Нин Гуйчжу достал оттуда потроха, мелко нарезал, положил обратно, долил немного воды, раскрошил туда маньтоу и всё тщательно перемешал. Затем прихватил мясной фарш и грубый маньтоу и, зовя собак по именам, отошёл в сторону.

Сюн Цзиньчжоу слегка подтолкнул ногой собак, карауливших у стола.

— Идите есть. Там мясо, а у меня ничего нет.

Собаки не поверили и только жалобно заворчали. Сюн Цзиньчжоу попросту перестал обращать на них внимание. У него еды они всё равно не дождались, а Нин Гуйчжу тем временем продолжал их звать. Помедлив ещё немного, обе всё же замахали хвостами и побежали к нему.

К тому времени кошки уже успели съесть половину мясного фарша из своей чашки.

Нин Гуйчжу присел у ограды и посмотрел на совершенно измученных играми кроликов. С жалостью погладив одного по голове, он вытащил горсть сухой травы из корма Маньтоу, положил её к кроликам и начал по одному проверять травяные верёвки на их лапах.

Дикий нрав кроликов приручить было непросто. Даже несмотря на то, что кошки и собаки всё время караулили и донимали их, несколько верёвок всё равно успели заметно перетереться. Нин Гуйчжу открыл заднюю калитку, вышел, нарвал травы и листьев, часть отдал кроликам на корм, а из остального снова сплёл верёвки и перевязал им лапы.

Сюн Цзиньчжоу, закончив убирать чашки и палочки, подошёл и, увидев, что Нин Гуйчжу возится с кроликами, тут же принялся помогать.

— Почему меня не позвал? Осторожнее, они могут укусить.

Пусть кролики и едят траву, кусаются они весьма больно.

Нин Гуйчжу ответил:

— Думаю, ничего не случится.

Сюн Цзиньчжоу неодобрительно покосился на него несколько раз. Заметив, как в выражении Нин Гуйчжу проступила лёгкая виноватость, он невольно усмехнулся, отвёл взгляд и сосредоточился на том, чтобы привязать травяные верёвки к лапам кроликов.

Неизвестно, то ли их уже слишком сильно напугали и они успели ко всему привыкнуть, но две взрослые особи и четыре крольчонка, которые прежде от одного прикосновения замирали всем телом, теперь, оказавшись между двумя людьми, как ни в чём не бывало держали траву лапами и продолжали есть.

Глядя на кроликов, Нин Гуйчжу сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Они довольно шустрые. Думаю, к середине ночи уже перегрызут верёвки.

Сюн Цзиньчжоу согласно кивнул и перевёл взгляд на клетку в загоне.

— Может, посадим их туда? Куры и утки всё равно не убегут.

Кур и уток уже давно держали в загоне, так что вряд ли они станут теперь разбредаться по двору.

Нин Гуйчжу проследил за его взглядом, поднялся и сказал:

— Можно. Я схожу за тесаком и колодой, а мы пока подрежем им крылья.

— Я схожу, а ты присмотри за кроликами, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу взял стоявшие рядом чашки:

— Я с тобой. Заодно вымою эти две чашки.

В них готовили еду для кошек и собак, и они были жирными от мяса, так что Нин Гуйчжу пришлось повозиться, прежде чем удалось как следует их отмыть. Сюн Цзиньчжоу тем временем принёс тесак и колоду, а потом заодно замешал в тазу для овощей немного отрубей для кур и уток и рассыпал их по земле в загоне.

Вечерняя заря только-только успела угаснуть, небо ещё оставалось светлым. Увидев корм, лениво стоявшие куры тут же зашагали к нему и принялись раз за разом клевать землю.

Рассыпав отруби, Сюн Цзиньчжоу поднял палку из угла, разворошил сухую траву в загоне, потом ещё раз тщательно осмотрел клетку и нашёл два яйца.

— Чжу-гер, посмотри, какое маленькое яйцо.

Сюн Цзиньчжоу пришёл во двор с тазом в руке и протянул ладонь Нин Гуйчжу. Тот пригляделся и тоже рассмеялся:

— И правда, почему оно такое крохотное?

Яйцо было длиной всего с большой палец и в ладони Сюн Цзиньчжоу казалось совсем крошечным. Сюн Цзиньчжоу зажал его пальцами, повернул и показал Нин Гуйчжу след крови на скорлупе.

— Наверное, какая-то молодая курочка снесла первое яйцо.

Услышав это, Нин Гуйчжу по-настоящему обрадовался. Он взял яйцо, повертел в руках и сказал:

— И правда первое. Интересно, какая именно курочка - рановато она начала нестись.

К яйцу от цыплят, которых они сами вырастили, отношение всё же было совсем иным. Нин Гуйчжу бережно отложил его отдельно, другое яйцо положил рядом как обычно, запер дверцу шкафа и вышел к Сюн Цзиньчжоу, который как раз ополаскивал таз.

— Завтра приготовим это маленькое яйцо на пару и съедим.

— Хорошо, — Сюн Цзиньчжоу во всём слушал его.

Приведя таз в порядок, они вернулись к загону. Один ловил кур и уток, другой прижимал половину крыла и тесаком срубал слишком длинные перья. Работали они быстро и ловко, так что вскоре всем домашним курам и уткам подрезали крылья. Закончив с птицей, они переловили кроликов и посадили всех в одну клетку. Вторую оставили пустой для кур и уток, чтобы те могли заходить туда и выходить по желанию.

Разобравшись со всей этой мелкой живностью, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу по очереди взяли нагретую за день во дворе воду и сходили в купальню ополоснуться. Сегодня они долго возились в горах, так что одежда обоих сильно испачкалась. Снятые вещи положили замачиваться в таз, решив постирать немного позже.

Небо постепенно темнело, луна светила ярко.

— Чжу-гер, брат, вы уже спите? — в ворота постучали. Это был Сюн Цзиньпин.

Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу переглянулись и поднялись открыть.

— Старший брат? Что случилось?

Сюн Цзиньпин указал в сторону переднего двора. Из-за угла стены выглядывали три головы, но стоило им заметить, что взрослые посмотрели туда, как они тут же исчезли.

— Трое наших малых шумят, хотят идти ловить цикад. Я пришёл спросить, пойдёте ли вы.

— Я спрошу Чжу-гера.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу вернулся во двор и рассказал Нин Гуйчжу, зачем пришёл старший брат. Нин Гуйчжу, обмахиваясь веером, немного подумал и сказал:

— А я ведь не умею готовить цикад.

Сюн Цзиньчжоу рассмеялся:

— Об этом тебе вообще не нужно беспокоиться, в деревне любой ребёнок умеет их готовить. Мы просто сходим развлечься. Если захочешь попробовать - поймем несколько и принесём домой.

— Тогда пойдём, — Нин Гуйчжу поднялся. — Но насекомых я есть не буду.

— Тогда и я не буду.

Факел, который они обматывали в прошлый раз, ещё не догорел до конца. Сюн Цзиньчжоу осмотрел его, добавил сверху ещё один слой, а когда убрал смолу, Нин Гуйчжу уже ждал рядом с мешком в руках.

Сюн Цзиньчжоу взял Нин Гуйчжу за руку и повёл наружу, по дороге говоря:

— В прошлый раз ещё собирались принести из гор немного смолы, а потом несколько раз туда ходили и всё забывали. Завтра, когда пойдём в горы, не забудь мне напомнить.

— Хорошо.

С вещами они пришли к переднему двору. Трое детей уже не могли усидеть на месте и

носились туда-сюда у ворот. Увидев обоих, они тут же бросились во двор и громко закричали:

— Учитель и младший дядя пришли! Папа, давай быстрее!!!

— Куда так спешить, — отозвался Сюн Цзиньпин.

Он закончил обматывать факел, взял матерчатый мешок, который Ван Чуньхуа оставила рядом, и крикнул ей в дом:

— Чуньхуа, я повёл их в горы.

Ван Чуньхуа, неизвестно чем занятая внутри, лишь повысила голос в ответ:

— Знаю. Будьте осторожнее в горах.

Сюн Цзиньпин откликнулся, вышел из двора и раздал троим детям принесённые мешки, после чего сказал ожидавшим у ворот:

— А вы управились быстро.

Сюн Цзиньчжоу слегка потряс факелом и с улыбкой ответил:

— В прошлый раз не успели всё сжечь, я только ещё один слой намотал, и готово.

— С этими тремя чертятами дома мне даже сохранить что-нибудь до следующего раза не удаётся, — Сюн Цзиньпин посмотрел на убегающих вперёд детей и крикнул громче: — Не бегите так быстро, ещё упадёте!

Издалека донёсся недовольный детский голос:

— Это вы сами слишком медленные!

Сюн Цзиньпин:

— ...

Нин Гуйчжу отвернулся, сдерживая смех, и его плечи пару раз едва заметно дрогнули. Сюн Цзиньчжоу обнял его за плечи и цокнул языком:

— Дети и правда хороши только тогда, когда их можно дразнить.

То и дело умудряются вывести человека из себя. Будь на месте старшего брата он сам, Сюн Цзиньчжоу считал, что такого терпения у него бы не хватило.

Сюн Цзиньпин лишь улыбнулся:

— Вот заведёшь своих детей, тогда и поговорим.

Кто в молодости не был вспыльчивым?

Сюн Цзиньчжоу приподнял брови и повернулся к Нин Гуйчжу. Поймав его взгляд, Нин Гуйчжу покосился в сторону старшего брата и протянул руку, разворачивая голову Сюн Цзиньчжоу обратно.

Чего на него смотреть? Он сам детей рожать не умеет. Да и как вообще здесь появляются дети, он до сих пор толком не знал. Не к спеху, не к спеху.

Реакция Нин Гуйчжу рассмешила Сюн Цзиньчжоу, и тот легонько сжал его руку.

Трое взрослых шли следом за детьми и вскоре добрались до места. Малыши сначала метнулись к компании своих друзей, немного пошумели и поиграли вместе, а затем снова прибежали к взрослым и отправились с ними искать чжиляхоу.

«Чжиляхоу» (или «цикада-обезьянка») - это личинка цикады (нимфа), которая обитает под землёй. Деревенские дети, выросшие здесь, были настоящими мастерами в их ловле. Нин Гуйчжу зачастую ещё даже не успевал заметить никаких следов, а ребёнок рядом уже протягивал руку, вытаскивал насекомое из-под комка земли и бросал его в матерчатый мешочек.

Нин Гуйчжу:

— ...

Окончательно отказавшись от попыток разобраться, он стал обмахиваться веером и перевёл взгляд на людей вокруг. Большинство пришли сюда вместе с детьми, но были и такие, где старшие ребята привели младших. Все сгруппировались большой толпой, так что можно было не беспокоиться, что что-нибудь случится.

Сюн Цзиньчжоу тоже подобрал несколько нимф. Увидев, что Нин Гуйчжу этим совсем не интересуется, он попросту сунул мешок старшему брату и подошёл к супругу:

— Хочешь пройтись где-нибудь потише?

Нин Гуйчжу немного заинтересовался:

— Можно?

— Конечно.

Сюн Цзиньчжоу взял его за руку, сказал старшему брату пару слов и повёл туда, где людей было поменьше. Вскоре остались лишь они двое. Сюн Цзиньчжоу держал Нин Гуйчжу за руку и шёл очень медленно. Неизвестно когда тусклый остаточный свет неба сменился лунным сиянием, и земля стала видна почти так же ясно, как днём. Со всех сторон перекликались насекомые и квакали лягушки. Этот особенный шум, переплетённый с запахом трав и деревьев, почему-то дарил удивительное чувство покоя.

Нин Гуйчжу очень любил неспешно гулять в такой обстановке: рядом человек, который ему дорог, над головой яркая луна, ничего не нужно говорить, ничего не нужно делать, и настроение само собой поднимается до самой прекрасной вершины.

Они молча шли, держась за руки, лишь изредка перекидываясь несколькими тихими фразами. Когда же наконец вернулись, обнаружили, что Сюн Цзиньпин с тремя детьми уже ушёл, и потому сами неторопливо направились домой.

Во дворе семьи Сюн ярко пылал костёр. Трое детей держали в руках бамбуковые палочки, на которые были нанизаны уже обработанные нимфы цикад. Под языками пламени от них исходил густой мясной аромат.

Сюн Шишань и Сюн Цзиньпин сидели рядом, присматривая за детьми, а двоих остальных занесло неизвестно куда.

Увидев Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу, Сюн Шишань позвал:

— Заходите, съешьте по парочке. На вкус они вполне неплохие.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Не люблю есть насекомых.

С этими словами он забрал их матерчатый мешок, снова взял Нин Гуйчжу за руку и повёл его домой.

Сюн Шишань с недоумением посмотрел на Сюн Цзиньпина:

— Второй не любит чжиляохоу?

Как отец, он почему-то об этом даже не знал.

Сюн Цзиньпин невозмутимо ответил:

— Он тебя обманул.

— ...

Обведя родного отца вокруг пальца, Сюн Цзиньчжоу вернулся домой, отложил мешок и факел и тут же нетерпеливо придвинулся к Нин Гуйчжу за поцелуем.

Нин Гуйчжу застали врасплох, но по-настоящему уклоняться он и не собирался, поэтому позволил Сюн Цзиньчжоу обнять себя и довольно долго целовать. Лишь когда у кое-кого начали становиться слишком беспокойными руки, Нин Гуйчжу остановил его:

— Одежду ещё не постирали.

— Тц.

Сюн Цзиньчжоу недовольно цокнул языком. Увидев в глазах Нин Гуйчжу озорную усмешку, он не слишком сильно, но ощутимо прикусил его за губу, отпустил и развернулся:

— Пойду стирать.

Нин Гуйчжу потрогал место укуса и выглянул наружу. Сюн Цзиньчжоу уже снял верхнюю одежду и, оставшись в нижней рубаше, усердно тёр одежду. Мышцы на его теле при движении заметно напрягались - так и хотелось их потрогать. Обычная майка на бретелях на Сюн Цзиньчжоу почему-то выглядела точь-в-точь как белая мужская майка.

Нин Гуйчжу вернулся в спальню, снял верхнюю одежду, сел у окна и, обмахиваясь веером, стал ждать возвращения кое-кого, чтобы продолжить то, чем они занимались каждую ночь.